

АННА БЕСТОВА

ЛЕТО
ОТПУСК
ЛЮБОВЬ

ни
~~выживаю~~
ДЛЯ ПЫШКИ
ИНСТРУКТОР, Я НЕ СЪДОБНАЯ!

Лето, отпуск и любовь!

Анна Бестова

**Выживалити для пышки.
Инструктор, я не съедобная**

«Автор»

2026

Бестова А.

Выживалити для пышки. Инструктор, я не съедобная /
А. Бестова — «Автор», 2026 — (Лето, отпуск и любовь!)

Меня угораздило выиграть поездку на природу. Пусть всего на два дня, но без каких либо признаков цивилизации. Только лес и... хищные звери. А еще он, brutальный и не умолимый иструктор по выживанию. Что важнее выжить или не влюбиться?!

© Бестова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Анна Бестова

Выживалити для пышки.

Инструктор, я не съедобная

Глава 1

Я ненавижу пятницу.

Нет, вы не подумайте, я нормальный человек, который любит выходные, пижамные вечера и доставку еды, когда не нужно ничего готовить. Но пятница в офисе «МегаТрейд» — это не просто день недели. Это день, когда отдел маркетинга (то есть я и два несчастных стажера, которые боятся попросить прибавку) должен отчитываться за неделю, а вечером — обязательно корпоратив, потому что наш гендиректор свято верит в тимбилдинг и «сплочение коллектива».

Я стою у окна в конференц-зале и наблюдаю за разыгравшейся драмой: охранник дядь Петя пытается поймать букет, который курьер уронил, и ветер уносит эти несчастные розы прямо к мусорным бакам. Букет борется за свободу. Дядь Петя безнадежно проигрывает.

— Даша, ты чего нос повесила? — Светка из бухгалтерии материализуется рядом, как приведение, только вместо цепи гремит многочисленными пластиковыми браслетами. Она худая до прозрачности, и рядом с ней я всегда чувствую себя особенно... внушительной леди.

— Свет, я свой главный приз уже получила, — вздыхаю я, машинально поправляя блузку. Шелк, между прочим. Но на мне он сидит так, что подчеркивает всё то, что я обычно маскирую кардиганами. — Мне подарили ощущение, что я съела за этот год на корпоративах собственную зарплату.

— Ой, брось, — Светлана беспечно машет рукой, и я ловлю себя на мысли, что ей даже махать удастся изящно. — Нормальная ты. Просто это... В теле. Мужики, говорят, таких любят. Мягоньких... Добреньких.

— Я не добрая... И ты это прекрасно знаешь, — напомнила ей со вздохом.

— Ты просто строгая... Сама к себе. А это разные вещи. Расслабься. Лишний вес из-за стресса и неприятия себя.

Я внутренне закатываю глаза.

Света, милая, но...

— Если я еще раз услышу этот миф про «мужики любят пышек» — я за себя не отвечаю. Во-первых, никакая я не пышка, я просто... фактурная. Во-вторых, каменная стена должна быть стройной, иначе стена рухнет к чертям собачьим под собственным весом. В-третьих, я замуж собираюсь не для того, чтобы мной стены подпирали. У меня для этого гипсокартон есть. И дюбели.

Но вслух я этого не говорю. Вместо этого я снова смотрю в окно, где дядь Петя наконец добывает букет ногой и несет в офис помятые остатки былой красоты.

— А теперь — главный сюрприз! — голос Игоря Борисовича, нашего гендиректора, врывается в мое сознание, как дрель в стену соседей-ремонтников. — Лотерея!

Я оборачиваюсь. На импровизированной сцене стоит Игорь Борисович. У него лицо человека, который только что продал почку, чтобы открыть бизнес, и теперь пытается отбить инвестиции обратно. Рядом с ним вертится лототрон — тот самый, из отдела продаж, где они крутят шары с номерами клиентов, разыгрывая скидку на офисную бумагу.

— Победитель получит не сертификат в спа! — вещает Игорь Борисович.

— О, спа — это хорошо, — оживает Светка. — Но видимо... не в этот раз. Таня ходила на прошлой неделе, говорит, словно Рай на Земле.

— Уф, что-то новое придумали... Ты же знаешь нашего босса, он любит оригинальничать. Подруга кивнула. Мы прислушались к оглашению приза.

— В этот раз вас ждет настоящее приключение! Экстремальный тимбилдинг! Два дня на турбазе! Единение с природой и не только. Мы приготовили настоящее веселье с полосой препятствий! Наши победители из пяти человек пройдут настоящую школу выживания!

В зале наступает тишина. Такая, знаете, звенящая. Бухгалтера, которые обычно шумят, как стая воробьев, замирают. Менеджеры по продажам, вечно орущие в телефоны, делают шаг назад. Программисты в углу даже не поднимают голов — у них там сервер упал, что страшнее любой полосы препятствий.

— И сопровождение гарантировано! — продолжает добивать Игорь Борисович. — Нашим лучшим специалистом! Начальником службы безопасности! Руслан Сергеевич!

И тут из-за колонны выходит ОН.

Руслан Сергеевич.

Я видела его раньше, конечно. Он регулярно появляется в офисе, проверяет пожарную сигнализацию, ругается с курьерами, которые паркуются не там, и смотрит на всех так, будто мы — потенциальные нарушители режима. Но чтобы вот так, близко, при полном параде...

Если бы у слова «брутальность» было лицо, оно выглядело бы именно так. Квадратная челюсть, которая, кажется, может перекусывать арматуру. Ручищи, которые явно помнят времена, когда он штангу таскал еще до того, как штанги вообще изобрели. Глаза — серые, холодные, смотрят так, что хочется немедленно признаться во всех грехах, включая тот раз в 2019-м, когда я случайно сломала кофемашину и свалила на стажера.

Он выходит, складывает руки на груди, и я чувствую, как по залу проносится волна... чего? Страх? Уважения? У меня лично — мурашки по спине джигу сплясали. И, кажется, не от страха.

— Поедете со мной — не пропадете, — обещает он.

Голос у него — как гравий, перемешанный с виски. Такой, знаете, голос, которым можно читать инструкцию к стиральной машине, и ты будешь слушать, развесив уши, понимая, что ничего не слышишь.

Я проглатываю ком в горле и пытаюсь вспомнить, симпатизируют ли мне такие мужчины. Судя по моему опыту — нет. Такие мужчины обычно выбирают моделей с обложки, а на таких, как я, смотрят с мыслью «хорошая девочка, но в подруги».

— А теперь — барабанная дробь! — Игорь Борисович запускает руку в лототрон. Шары крутятся, шелкают, и наконец выпадает один.

— Семьдесят четыре!

Я смотрю на свой бейдж. Зачем-то... Я ведь и так знала уже... Но мне требовалось зрительное подтверждение этого небывалого "везения". Номер 74.

"Нет."

Прикрыла рот ладошкой, испугавшись, что вопль вырвется наружу.

Пожалуйста, нет.

Я не слышала звонка будильника сегодня утром, я выпила прокисший сок на завтрак, я порвала колготки, выходя из дома. Все знаки были. Надо было остаться дома. Взять отгул. Надо было симулировать температуру. Надо было уволиться еще вчера.

— Кто счастливчик? — орет Игорь Борисович.

Светлана бьет меня локтем под ребра так, что я теряю воздух из легких.

— Даша! Это ты! Поздравляю! Ты едешь в лес с этим супер героем повышенной брутальности!

— Я не еду, — автоматически отвечаю я. — У меня аллергия на лес. И на качков. И на природу. У меня на природу анафилактический шок. Я умру от одного вида березы.

Но меня уже тащат. Куда-то. Чьи-то руки подхватывают меня, толкают к сцене, кто-то сует в руки сертификат, кто-то водружает на голову бумажную корону с надписью «МИСТЕР ВЫЖИВАНИЕ» (почему мистер? я вообще-то миссис, ну, то есть мисс, ну, в смысле — женщина!).

Руслан Сергеевич смотрит на меня. Улыбается... Гад. Причем злорадно так улыбается, наверняка припомнил, что я ему отказала... однажды... давным давно.

Потом озвучили еще несколько номеров, собрав небольшую команду. Несколько парней и девчат присоединились ко мне на сцене. Но я ничего уже не видела и не слышала, пребывая в состоянии шока. Но... Кажется не обрадовался никто из нас.

Старалась механически улыбаться, чтобы не сойти за неблагодарную. Пока не заметила, что...

Он... Начальник службы безопасности смотрит на мое лицо (надеюсь, макияж не поплыл после пяти часов в офисе). На мою грудь (ну да, она есть, что поделать). На мои бедра (да, они широкие, и что?). На мои туфли на каблуках. На мой маникюр (гель-лак, цвет «вишневый пирог», держится третью неделю). На мою шелковую блузку (дорогую, между прочим, я копила).

— Экипировка за ваш счет, — говорит он сухо. — Список необходимого сброшу сегодня на почту. Завтра в шесть утра выезд. Не опаздывать.

Разворачивается и уходит.

А я стою с короной набекрень и четким осознанием, что жизнь кончена. Где это я раздобуду "экипировку" ночью?

Мне двадцать восемь. У меня квартира в центре (ну, почти в центре, если считать метро «Академическая» центром). У меня высокая должность (начальник отдела маркетинга, звучит же?). У меня уважение коллег (они меня боятся, а это почти то же самое). И вот теперь какой-то Руслан с лицом «я съел медведя на завтрак и не подавился» утащит меня в лес, где я гарантированно погибну.

Погибну не от голода. Не от холода. От отсутствия вай-фая и горячего душа. Это будет мучительная смерть. За что мне все это?!

Глава 2

Утро субботы.

Я не спала всю ночь. Сначала собирала вещи. Точнее, что более или менее подходило по списку. Потом перебирала вещи. Потом плакала над вещами, которые пришлось выкинуть из чемодана. Потом снова собирала.

В итоге — четыре чемодана.

Первый — одежда. На три дня, но надо же иметь выбор? Вдруг там будет холодно? Вдруг там будет жарко? Вдруг там случится бал, а я в спортивном костюме? Нет уж. Беру платье. Два платья. Три. На каждый вечер. И джинсы. И шорты. И теплую кофту. И легкую кофту. И... Носки под цвет... И Рюкзак на случай похода к речке.

Второй — косметика. Крем для лица ночной. Крем для лица дневной. Крем для рук. Крем для ног (на всякий случай, вдруг придется много ходить). Крем для век. Сыворотка. Тоник. Мист. Патчи гидрогелевые (утренние). Патчи тканевые (вечерние). Маски — тканевые, кремовые, альгинатные. На три дня — самый минимум. Набор расчесок, кистей для макияжа, шаппуни и прочие мыльные-пыльные.

Третий — обувь. Кроссовки (новые, белые, с розовыми шнурками, специально купила для этого кошмара). Потом я их достала, потому что решила, что поеду именно в них. Балетки (на всякий случай, если кроссовки натрут). Туфли на каблуке (а вдруг там будет ужин у костра и мне захочется быть красивой?). Босоножки на случай если вдруг будет жарко? К тому же они под покупались под одно и з платьев. Резиновые сапоги, ведь на природе наверняка есть грязь... или будет в случае непогоды. пара слепок, в том числе и для купания.

Четвертый — техника. Фен. Плойка. Утюжок для волос. Выпрямитель. Запасные батарейки ко всему этому хозяйству. Пауэрбанк (три штуки). Зарядки (все, которые нашла). Пара-генератор и массажер.

Таксист, который приехал за мной, смотрит на чемоданы и присвистывает.

— Девушка, вы нас покидаете навсегда? Куда направляетесь?

— В ад, — честно отвечаю я. — Но вещей много потому, что... Надеюсь, они скрасят пребывание там.

Мы едем к точке сбора. Я смотрю в окно и пытаюсь успокоиться. Ну что такого страшного в лесу? Лес — это просто деревья. Деревья я люблю. Они красивые. Зеленые. Фотосинтезируют. Ну, подумаешь, там живут насекомые, змеи, медведи и, кажется, какие-то духи, которые забирают души заблудившихся туристов... Хотя... последнее не доказано.

Останавливаемся у покосившегося автобуса с надписью «Спорт-Тур». Автобус выглядит так, будто помнит войну. И не одну.

Рядом с автобусом стоит ОН. Мой спаситель... Ну, это мне так тогда казалось, хотя на деле, вышло с точностью, да наоборот.

Руслан Сергеевич одет в камуфляж. Полный камуфляж, Карл! Штаны, куртка, кепка. На ногах — берцы, которые, кажется, весят больше, чем я. За спиной — рюкзак. Огромный. Такой, в который поместятся все мои четыре чемодана и, возможно, я сама, если сложиться в позу эмбриона.

Он смотрит, как таксист выгружает мое добро. Сначала первый чемодан. Потом второй. Потом третий. Потом четвертый.

Затем инструктор смотрит на меня.

Переводит взгляд на небо.

Потом снова на меня.

— Это что? — спрашивает он.

Голос звучит так, будто он интересуется «Это труп? Вы привезли труп?».

— Вещи, — я вздергиваю подбородок. Я не позволю этому качку меня запугать. Я начальник отдела маркетинга. Я веду переговоры с клиентами, которые хотят скидку 90%. Я кого хочешь уболтаю. — На три дня.

— Вы в лес едете, а не на Неделю моды в Милане.

— Во-первых, в Милане я была, и там, между прочим, тоже холодно, — говорю я максимально уверенно, хотя в Милане я не была. Ни разу. Но он-то не знает. — Во-вторых, я не знаю, какие там условия. Вдруг на турбазе нет нормальной косметики? Я должна выглядеть достойно даже в в спартанских условиях. Вы бы хотели, чтобы ваша... спутница выглядела как пугало огородное?

— В лесу медведи, — мужчина делает шаг ко мне.

Он высокий. Очень. Мне приходится задрать голову, чтобы видеть его глаза. Серые, холодные, с такими смешными морщинками в уголках — наверное, от того, что он постоянно щурится, высматривая нарушителей порядка.

— Медведи, Дарья, не смотрят на макияж. Они смотрят на то, насколько вы вкусная. А вы... — он окидывает меня взглядом с головы до ног. Медленным таким, оценивающим. Я чувствую, как краснею. — Вы выглядите как шведский стол.

— Вы на что это намекаете? — возмущаюсь я, хотя внутри все сжимается.

— На то, что от чемоданов придется избавиться.

И он подходит к моему багажу. Открывает первый попавшийся чемодан. Конечно, это оказывается чемодан с обувью. Потому что судьба — злая штука и любит надо мной издеваться.

— Туфли на каблуке. Балетки. Босоножки. — Он перебирает мои сокровища с видом патологоанатома. — Серьезно? Мы идем в поход.

— Это на случай ужина у костра! — я пытаюсь вырвать у него чемодан, но куда там. Он держит его так, будто это не чемодан, а автомат Калашникова.

— У костра вы будете в берцах, как все, — отрезает он. — Или в том, что останется от ваших ног после первого километра по пересеченной местности. Переупаковываемся. Даю пять минут.

— Это невозможно! У меня нет ботинок, только кроссовки.

— Время пошло.

Он достает телефон, нажимает на секундомер и демонстративно поворачивает экран ко мне.

Я в панике.

Я открываю чемоданы, хватаю вещи, бросаю, хватаю снова. Руслан стоит рядом и озвучивает мои действия, как спортивный комментатор, только вместо футбола — моя жизнь.

— Крем для век? Оставьте. В лесу у вас будет только один крем — от ожогов крапивой.

— Но у меня нежная кожа!

— Плойка? Вы серьезно? Лес — это вам не подиум, тут локоны никому не нужны.

— А вдруг я встречу там принца?

— Принцы в лесу не водятся. Там водятся лешие.

— Фен? Дарья, вы собираетесь подключить его к дереву?

— А вдруг там розетки есть? — я прижимаю фен к груди, как любимого плюшевого мишку.

— Там природа. Там розетки не растут.

— Как? Турбаза заброшенная? Без электричества?!

Он вырывает у меня из цепких лапок фен и кидает обратно в чемодан. Я смотрю на это с ужасом. Мой фен! Мой любимый фен с ионизацией и тремя режимами сушки! Он останется здесь, в машине, один, среди чужих людей...

— Один рюкзак, — чеканит Руслан. — Самые необходимые вещи. Белье, носки, теплая кофта, дождевик. Всё.

— А патчи под глаза? — шепчу я.

— Что?

— Ну... патчи. Гидрогелевые. Чтобы утром выглядеть свежей. Они плоские, много места не займут!

Безопасник смотрит на меня долгим, очень долгим взглядом. Я вижу, как в его глазах происходит внутренняя борьба. С одной стороны — инструкция, дисциплина, армейские порядки. С другой — женщина, которая смотрит на него глазами побитой собаки и сжимает в руках упаковку гидрогелевых патчей.

— Кладите, — наконец выдыхает он и трет переносицу. — Но если эти патчи пригодятся — с меня подарок.

Через десять минут (он все-таки дал добавочных пять, потому что я чуть не расплакалась над вечерним платьем) рюкзак собран.

Он огромный. Тяжелый. Набитый до отказа и явно не рассчитанный на такое количество вещей. того и гляди треснет. Лямки впиваются в плечи, даже когда я просто стою на месте. Рюкзак явно меня ненавидит.

— Не убьет? — с сомнением спрашиваю я.

— Не бойтесь, — усмехается Руслан. — Если что — понесу. Вы же... — он хмыкает и, кажется, подбирает слова помягче, но потом передумывает, — боевая экипировка.

— Что-о-о?

— Говорю: не дрейфь, боец.

Он забирает у меня рюкзак одной рукой, закидывает в багажное отделение автобуса, и я смотрю на его спину. Широкая. Сильная. Обтянутая футболкой, под которой угадываются мышцы. И я ловлю себя на мысли: «Ну почему все красивые мужики — такие невыносимые? И почему я еду в лес? И почему мне, кажется, начинает это нравиться?»

Нет. Нет-нет-нет. Мне не может это нравиться. Я городская жительница. Я люблю асфальт, кофейни и такси. Я не создана для леса. И для мужчин в камуфляже тоже не создана.

Я залезаю в автобус.

Внутри пахнет бензином, я морщусь нос. Рядом со мной плюхается тощий парень в очках — судя по бейджику, из IT. Сзади приземляется еще один бледный и заросший паренек. Напротив сидят две девушки из отдела продаж. У них идеальные маникюры, и они смотрят на свои ногти с таким ужасом, будто те уже начали отваливаться прямо на глазах. Вот те счастливики, которым так же "повезло" как и мне. Ну хоть не одной отдуваться... в смысле наслаждаться отдыхом.

Автобус трогается.

Руслан садится на переднее сиденье, разворачивается к нам и начинает инструктаж.

— Правила простые: слушаться меня беспрекословно. Не ныть. Не жаловаться. Не отставать. Вопросы?

— А туалет там будет? — пискляво спрашивает одна из продажных.

— Лес большой.

— А душ?

— Река холодная.

— А...

— Девушки, — Руслан обрывает ее тоном, не терпящим возражений. — Вы едете на природу. Мы поставим палатки, а не станем жить в пятизвездочном отеле. Расслабьтесь и получите удовольствие.

Я фыркаю. Получать удовольствие от отсутствия туалета? Да вы шутите.

Отворачиваюсь к окну и пытаюсь представить ближайшие три дня. В моей голове картинка не складывается. Там, где должна быть я — ухоженная, красивая, с идеальной укладкой,

стоит какая-то растрепанная тетка в камуфляже, без макияжа, с всклокоченными волосами и глазами, полными слез.

Кошмар.

Автобус петляет по проселкам. Город исчезает. Начинается лес.

Я смотрю в окно и понимаю, что никогда не видела такого леса. В парке Горького деревья какие-то... ручные. А эти — огромные, темные, с корявыми ветками, которые тянутся к небу, как руки утопающих. Между стволами — мрак. Густой, непроглядный. Там, в этом мраке чащи, наверняка кто-то живет. И этот кто-то смотрит на автобус голодными глазами.

— Красиво, — вдруг говорит Руслан.

Я поднимаю голову. Он стоит в проходе, держится за поручень и смотрит в окно. И на его лице... такое... мягкое что-то. Непривычное. Я бы даже сказала... восхищение.

— Люблю природу, — продолжает он. — Там всё по-настоящему.

— А там змеи есть? — спрашиваю я, потому что не могу не спросить.

— Есть.

— А волки?

— Бывают.

— А медведи?

— А как же, — он поворачивается ко мне, и в его глазах мелькает усмешка. Такая, знаете, опасная. — Но вы не бойтесь. Медведи редко появляются. Хотя... — пауза. Длинная. Тягучая. — Сейчас они как раз нагуливают жирок перед спячкой. Ищут, чем поживиться.

У меня по спине бегут мурашки. Я машинально прикрываю шею воротником куртки. Почему-то кажется, что именно туда медведь и будет целиться.

— Шучу, — говорит Руслан. — Не нагуливают. Еще рано.

— Очень смешно, — бурчу я, но внутри все дрожит.

То ли от страха перед медведями. То ли от того, что Руслан стоит так близко, что я чувствую его запах. Древесный, терпкий, с нотками кожи и металла и еще чего-то неуловимого мужского и опасного. Так наверное пахнет тот самый лес за окном. Только концентрированно. Мне стало не по себе.

Автобус резко тормозит. Мы все клюем носами.

Водитель высовывается из кабины:

— Дальше не проехать. Там тропа только пешком. Так что... ребятки, простите, но это.... Конечная, выгружаемся.

Руслан хлопает в ладоши так, что подпрыгивают даже программисты.

— Встаем, бойцы! Вышли-вышли! Забираем вещи! Идем до базы два километра! Легкой прогулки!

Легкой прогулки?!

Глава 3

Я выхожу из автобуса и понимаю: легкой прогулки не будет. Этот безопасник явно стебется над нами.

Передо мной — стена их густых зарослей. Высокая, темная, пахнувшая прелой листвой, сыростью и, кажется, смертью. Тропа, уходящая в чащу, узкая, грязная, и на ней явно кто-то оставил следы. Копыта? Лапы? Я не хочу знать. Зачем мне это? Нервы дороже. Лучше неведение, так спокойнее.

Я смотрю на свои кроссовки. Новенькие. Белые. С розовыми шнурками. Они такие красивые и не дешевые. Они обречены.

Потом на джинсы. Светло-голубые, идеально выглаженные.

Перевела взгляд на Руслана. Он стоит, сложив руки на груди, и смотрит, как мы выгружаемся. Взгляд у него — как у кота, который загнал мышей в угол и теперь размышляет, с кого начать.

— Ну, с богом, — шепчу я и делаю первый шаг в неизвестность.

Нога увязает в грязи по щиколотку.

Я смотрю вниз. Мои кроссовки больше не белые. Они коричневые. С розовыми шнурками, которые теперь тоже коричневые.

Ну... что ж...

Я делаю глубокий вдох и иду дальше.

Лес накрывает нас сразу. Тень, сырость, запах. Где-то кричит птица — противно, резко. Где-то хрустит ветка. Я вздрагиваю. Мной овладевает странное чувство тревоги, от которого нет спасения. Инстинктивно стараюсь держаться ближе к нашему инструктору.

Идти тяжело. Рюкзак тянет плечи вниз, ноги разъезжаются в грязи. Продажницы позади ноют, программист молчит и смотрит в телефон, пытаюсь поймать сеть. Я просто переставляю ноги и молюсь, чтобы это быстрее закончилось.

Руслан идет впереди. Идет легко, будто не за спиной у него рюкзак с кирпичами, а за плечами — крылья. Он перешагивает через корни, обходит лужи, даже не глядя под ноги. Смотрит только вперед. В этот жуткий темный лес.

И вдруг он резко останавливается.

Вскидывает руку — жест, который понимают все. Даже я, которая никогда не служила в армии и смотрела военные фильмы только под настроение. «Замри».

Мы замираем.

Руслан вслушивается. Поворачивает голову. Снова вслушивается.

Я тоже пытаюсь услышать. И слышу.

Где-то в кустах, совсем рядом, кто-то тяжело дышит. И трещит ветками. Там что-то большое. Очень большое.

— Тихо всем, — шепчет Руслан. — Не двигаться.

Я смотрю на кусты. Они шевелятся. Кто-то ломится прямо на нас.

В голове проносится вся моя жизнь. Мама, папа, первая любовь в восьмом классе, кошка Муся, которая умерла пять лет назад, непрочитанная книга на тумбочке, недописанный отчет за прошлый месяц, патчи под глазами, которые остались в рюкзаке, но медведю на них точно плевать.

Кусты раздвигаются.

Глава 4

Я зажмуриваюсь.

Ну а что мне ещё оставалось? Когда на тебя из кустов ломится что-то размером с тебя, а единственное твоё оружие — это рюкзак с ненужным барахлом, как выяснилось. Вариантов, по сути, два: либо героически принять смерть, либо зажмуриться и сделать вид, что тебя нет. Я слышала, что если притвориться мертвой... медведь не тронет.

Я выбрала второе. Потому что я, знаете ли, люблю жизнь. И кофе по утрам. И сериалы, в которых главная героиня не погибает в первом же эпизоде от встречи с диким зверем.

Треск в кустах становился громче. Я чувствовала, как земля вибрирует от шагов этого неведомого чудища. В ушах шумела кровь, сердце колотилось где-то в горле, а в голове проносились мысли: «Ну всё, Дашенька, допрыгалась. Съедят тебя, а в понедельник в отделе маркетинга будут сидеть новые люди, пить твой кофе и обсуждать, какая ты была дура, что не взяла горячий тур на Мальдивы».

— Ой, смотрите, лось! — радостно пискнула Ленка — одна из отдела продаж, которая, оказывается стояла рядом со мной, нисколько не боясь.

Что ж... Ее храбрости оставалось только позавидовать. Так ее есть точно никто не будет, там одни мослы...

Я рискнула приоткрыть один глаз.

Из кустов, грациозно переставляя длинные ноги, выходил лось. Самый настоящий. С рогами. С мохнатой шерстью. С влажным носом, которым он шумно втягивал воздух, раздувая ноздри.

Лось посмотрел на нас. Мы посмотрели на лося. Лось моргнул своими огромными, совершенно невинными глазами, потом фыркнул — ну прямо как человек, который случайно зашёл не в ту дверь на корпоративе — и, развернувшись, неспешно потрусил обратно в чащу.

— Вот и славно, — раздался голос Руслана. Он стоял в стороне, скрестив руки на груди, и ухмылялся. Открыто. Нагло. Глаза у него при этом смеялись, а в уголках губ залегла такая довольная складка, что мне захотелось запустить в него чем-нибудь тяжёлым. Пожалела, что не захватила с собой пару кирпичей. — Чего испугались-то? Лось — травоядный. На вас он бы не позарился. Разве что...

— Что — разве что? — насторожилась я.

— Разве что мог увидеть в вас угрозу и атаковать. Особенно после ваших взглядов, коими вы умеете одаривать. Помню, как вы смотрели на меня во время инструктажа.

— Во-первых, я смотрела на вас с отвращением, — соврала я, чувствуя, как к щекам приливает краска. — Во-вторых, если вы такой смелый, почему молчали, наблюдая как мы переходим в состоянии паники? Вы же у нас «начальник службы безопасности», а не «экскурсовод по заповеднику».

— Дарья, — Руслан шагнул ко мне. Теперь он стоял так близко, что я видела каждую складку на его куртке, каждую морщинку на его лице и слышала, как он дышит. Спокойно, ровно, будто только что вышел из тренажерки, а не из леса, где на нас только что чуть не выскочил рогатый великан. — Лось, если его не трогать, не опасен. А вот вы, когда злитесь, опаснее любого сохатого. У вас глаза аж искры мечут. Вы бы смотрели на меня по дружелюбнее, красавица

Он развернулся и пошёл дальше, а я осталась стоять, хлопая глазами.

Что это только что было? Он что, пошутил? Или... нет, не может быть. Этот brutальный чурбан с челюстью, которой можно колоть орехи, только что сделал мне комплимент?

— Собираемся, бойцы! — крикнул он, не оборачиваясь. — До базы ещё полтора километра. . Шевелитесь.

Я пошла. Ноги в грязи хлюпали, рюкзак ныл на плечах, в волосах, кажется, завелось целое гнездо пауков, а внутри всё бурлило. От злости. От смущения. От того, что у этого невыносимого человека, оказывается, есть чувство юмора, и он любит пошутить, задевая за живое. Ну, какая я ему красавица? Если убрать килограмм десять, могла бы и поспорить, но сейчас...

База оказалась поляной.

Ну, как поляной... Это был участок земли, посреди которого стояла сторожка — покосившаяся, с облупившейся краской и окнами, заклеенными газетами. Рядом навалены дрова. Чуть поодаль — кострище, давно погасшее. Вокруг — лес. Тот самый, мрачный и бесконечный.

— Красота, — с придыханием сказал программист.

Я посмотрела на него с уважением. Парень либо идиот, либо гений, который видит в этом запустении архитектурный минимализм.

— Ну что, бойцы, — Руслан скинул рюкзак и оглядел нас с таким видом, будто мы — стройматериал, который надо превратить в шедевр. — Задание первое: разбить лагерь. Поставить палатки. Нарубить дров. Развести костёр. Вопросы?

Вопросов не было. Потому что все мы, включая меня, находились в состоянии лёгкого шока. Продажницы переглядывались. Программист смотрел в телефон и о чем-то беседовал со своим коллегой. Если они оживят интернет в этом Богом забытом местечке, то справятся с палатками и всем остальным. Мне же даже подглядеть не у кого... Я палатку только на картинках видела.

— Дарья, идите сюда, — сказал Руслан, и я вздрогнула.

— Зачем?

— Сейчас увидите.

Он подошёл к поленнице, взял топор — самый настоящий, с длинной рукоятью и блестящим лезвием — и протянул его мне.

Я смотрела на топор. Топор смотрел на меня. Между нами пробежала искра непонимания.

— Это что? — спросила я.

— Топор.

— Я вижу, что топор. Зачем вы мне его даёте?

— Чтобы вы нарубили дров.

— Я не умею рубить дрова, — сказала я медленно, чтобы он точно понял каждое слово.

— Научитесь.

— Руслан Сергеевич, вы серьёзно? — я почувствовала, как внутри закипает та самая злость, о которой он говорил. — Я — начальник отдела маркетинга. Моя работа — считать бюджеты и придумывать слоганы. Я могу продать вам снег зимой и пустыню летом. Но я не могу нарубить вам дрова, потому что, во-первых, я не знаю, с какой стороны к ним подойти, а во-вторых, я боюсь, что отрублю себе ногу.

— Не отрубите, — Руслан взял мою руку и вложил в неё топориче. Ладонь у него была тёплая, широкая, и когда он коснулся моих пальцев, по коже побежал странный холодок. — Держите вот так. Не как даму за талию, а как... ну, как будто вы сжимаете шею врага. Крепче. Ещё крепче. Вот так.

Он стоял за моей спиной, и я чувствовала его дыхание на своей макушке. От него пахло терпким одеколоном, который казался мне знакомым. От этого запаха голова шла кругом, хотя я и не собиралась признаваться себе в этом.

— А теперь, — его голос звучал низко, почти интимно, — замахнитесь. И бейте. Резко. Только представьте, что это не полено, а ваш самый злой клиент, который требует скидку девяносто процентов и подарок.

— У меня нет злых клиентов, — выдавила я. — Я их всех люблю. Потому что они платят деньги.

— Тогда представьте, что это я.
Я замахнулась.

Глава 5

И ударила.

Топор вонзился в полено. Не очень глубоко, но вонзился. Полено треснуло, но не развалилось.

— Неплохо для первого раза, — сказал Руслан, отступая на шаг. — Ещё раз. Только сильнее. И не думайте о том, что это я. А то вы меня пугаете. Думайте о том, что вы злитесь.

Я злилась. О да, я злилась. На него, на этот проклятый лес, на лося, на Ленку, которая стояла в сторонке и снимала меня на телефон, на свой рюкзак, который уже успел натереть плечи, на свою итальянскую блузку, которая лежала дома в шкафу и ждала своего часа, которого, видимо, уже не дождётся.

Я замахнулась снова. Сильнее. Злее. И ударила.

Полено разлетелось на две части, как от удара молнии.

— Ну, — я выпрямилась, убирая выбившуюся прядь волос со лба, и посмотрела на Руслана с вызовом. — Что скажете?

Он смотрел на меня странно. Внимательно. С лёгкой улыбкой, которая, кажется, не исчезала с его лица. В глазах — тёплая искорка, и я не могла понять, что это: одобрение или насмешка.

— Скажу, что вы опасная женщина, Дарья, — сказал он наконец. — С такой злостью можно горы свернуть. Или дрова нарубить. Берите следующее полено.

Я взяла.

К концу часа я нарубила целую гору дров. Руки болели, ладони горели, но внутри было странное чувство удовлетворения. Гордое такое, первобытное. Я, Дарья Кораблева, женщина-бизнес, добившаяся всего в жизни своими мозгами и обаянием, сейчас стояла с топором на фоне леса и чувствовала себя чертовски крутой.

Программист, кстати, так и не нарубил ни одного полена. Он пытался, но после трёх неудачных ударов просто сел на пенёк и сказал:

— Я буду сидеть здесь и переживать экзистенциальный кризис. Не трогайте меня.

Ленка с Катей — ее подругой, пытались поставить палатку, но, судя по тому, что она у них постоянно падала и напоминала карточный домик, успех был сомнительным.

— Дарья, — окликнул меня Руслан. Он стоял у кострища и махал рукой. — Идите сюда. Поможете разжечь костёр.

— Я не умею разжигать костёр, — предупредила я, подходя.

— Я знаю. Поэтому я вас и позвал. Будете учиться.

— Зачем? — я подошла и села рядом с ним на бревно. Оно было влажное и холодное, и я пожалела, что не взяла с собой ту самую кофту, которую он запретил, потому что «не нужно лишнего веса».

— Затем, что, когда вы научитесь, вы сможете развести огонь где угодно. А это, поверьте, пригодится. Не только в лесу. В жизни тоже.

— В жизни есть спички, — заметила я. — И зажигалки. И электрические плиты.

— Спички кончаются, — он протянул мне маленькую деревяшку и какой-то обрывок коры. — Держите. Это трут.

— Что? — я взяла кору и повертела её в руках. — Трут? Это как в древности? Мы будем трением добывать огонь? Серьёзно?

— А вы думали, я вас в шулки шутить позвал? — он ухмыльнулся. — Давайте. Смотрите. Я делаю так...

Он начал крутить деревяшку в ладонях, вдавливая её в кору. Быстро. Ритмично. Я смотрела на его руки. Крупные, сильные, с явственно выступающими венами. Мускулы перекаты-

вались под кожей, и я вдруг поняла, что смотрю на это с замороженным интересом, а не как на инструкцию по выживанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.